

Венеция в романе И.С. Тургенева «Накануне»

Лихтарович Вадим Анатольевич

аспирант

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

lixtarovi4_vadim@mail.ru

Италия занимает особое место в системе пространственных образов русской литературы XIX в. Это тот тип реального пространства, за которым не только закрепляется статус особого исторического, экономического и культурного значения, но которое наделяется надвещным значением, становится «иконическим образом семиосферы – языком, на котором выражаются разнообразные внепространственные значения» [Лотман: 320].

В русской литературе XIX в. обращение к Италии мировоззренчески значимо. В биографии целого ряда русских писателей путешествие в Италию является обязательным пунктом их «жизненной программы» (поездки в Италию В. Жуковского, К. Батюшкова, Н. Гоголя, П. Анненкова, А. Герцена, Н. Некрасова, И. Тургенева, Ф. Достоевского и др.). Наряду с этим восприятие страны носило и опосредованный литературой характер: «Путешествие немца по Италии с 1786 по 1788 год в письмах» К.Ф. Морица, изданное в России в 1803–1805 гг.; роман И.–В. Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795–1796), а также его «Итальянское путешествие» (1816–1829); незаконченный роман Л. Тика «Странствия Франца Штернбальда» (1798); роман Ж. де Сталь «Коринна, или Италия» (1807); «венецианские» повести Ж. Санд и ее роман «Консуэло» (1842–1843) и др. «И присвоение, и освоение! – так характеризует этот процесс А.В. Михайлов. – Влечение к материальному обладанию и влечение к внутреннему переживанию, которое основывается на малой толике действительно виденного, на большей доле прочитанного и услышанного...» [Михайлов: 328].

Образ Италии нашел отражение как в письмах и путевых заметках, так и в художественных произведениях, став не только местом действия многих из них, но и способом выражения особого мироощущения. Говоря об итальянской теме в романе Тургенева «Накануне» (1859), исследователи обращают внимание преимущественно на два момента: с одной стороны, на личные воспоминания писателя об Италии, с другой, на непосредственную связь темы «с самыми последними событиями итальянской общественно–политической жизни»: «Воздух Италии, родины великих творений искусства, в 1859 году становится для Тургенева «вдвойне благодатным» потому, что в это время там с новой силой вспыхивает возглавленное Гарибальди национально–освободительное движение против австрийского владычества» [Тургенев: 435]. Вместе с тем, все это далеко не в полной мере проясняет причины включения в роман «венецианских» глав.

Появление героев именно в Венеции позволяет прояснить достаточно неожиданный финал романа, вызвавший множество негативных откликов сразу после его публикации (смерть Инсарова, по мнению некоторых критиков, лишает его деятельность «практического значения»). В литературе, посвященной герою тургеневского романа, неоднократно говорилось о принципиально новом, по сравнению с традициями «натуральной школы», решении вопроса о значении героя и критериях его оценки: назначение героя Тургенев видит не в решении практических вопросов. Его «миссия» представляется чем–то несоизмеримым с любыми очевидностями и потому ускользающим от определений, доступным лишь неисчерпаемо–многозначному символическому выражению... чем–то непостижимым в рамках исторически обозримых перспектив, реальным в каком–то высшем, сверхэмпирическом смысле» [Маркович: 132]. Немаловажная роль принадлежит здесь Венеции, которая вносит в роман «символический подтекст».

Венеция не случайно представлена в романе как образ двойственный, амбивалентный: это и райское сакральное пространство, локусы которого создают иллюзию вертикального пути, отрешенности от земного, реального мира («остроконечная башня святого Георгия», «золотой шар Доганы» [Тургенев: 290] и др.); и мертвое,

губительное место одновременно: «Венеция умирает, Венеция опустела», – говорят вам ее жители; но, быть может, этой–то последней прелести, прелести увядания в самом расцвете и торжестве красоты, недоставало ей» [Тургенев: 286]. Именно мотив смерти пронизывает здесь все повествование и выступает в качестве доминантного.

Венеция не просто морской город, но город, наполненный водой (в романтической традиции воды Венеции рассматривались как летейские). Море, «морское» является одним из наиболее частых образов смерти в творчестве Тургенева. Мотив воды появляется в романе уже в сцене катания на Царицынских прудах, где Инсаров бросил в воду пьяного немца. Это происшествие оказывается в финале зеркально перевернутым по отношению к самому Инсарову: «Ходили темные слухи, будто бы несколько лет тому назад море, после сильной бури, выкинуло на берег гроб, в котором нашли труп мужчины...» [Тургенев: 298]. Не случайным кажется и превращение Царицынского пруда в вещем сне Елены в «беспокойное море». Именно поэтому в описании города доминируют мотивы неопределенности и мертвой, таинственной тишины, а также мотив лунного (обманного) света вместо ярких, солнечных итальянских красок. Все это значимые признаки Венеции как обманного города в судьбе героев. В результате создается ощущение погружения героев в иное пространство, «с сопровождающим это погружение изменением состояния – застыванием, онемением, омертвлением и в конце концов смертью» [Топоров: 110]. Венеция, таким образом, приобретает характер чужого города, местом утраты надежд, закрытого пространства, откуда героям нет пути.

В результате венецианские главы способствуют оформлению одного из центральных мотивов романа – «мотива универсального трагизма жизни» [Лебедев: 394]: «... стихийная сила природы поглощает Инсарова так же, как беспрестанно она поглощает все вокруг себя, и для нее нет различия между героями и простыми смертными» [Бялый: 113]. В этих главах усиливается соотнесенность героев и окружающей их жизни с универсальными механизмами бытия.

Литература

- Бялый Г.А.* Тургенев и русский реализм. М.; Л., 1962.
Лебедев Ю.В. Тургенев. М., 1990.
Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. СПб., 2000.
Маркович В.М. И.С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50–е годы). Л., 1982.
Михайлов А.В. О Людвиге Тике, авторе «Странствий Франца Штернбальда» // Тик Л. Странствия Франца Штернбальда. М., 1987.
Топоров В.Н. Странный Тургенев (Четыре главы). М., 1998.
Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения. Т. 6. М., 1981.